

КЭРРОЛЛ (Carroll) Льюис (настоящее имя — Доджсон Чарлз Лутвидж) (1832—1898) — британский писатель, математик, один из творцов литературы «нонсенса» (см. Нонсенс). Священник (сан диакона — 1861), магистр математики (1857).

Преподаватель оксфордского колледжа Крайстчерч. Основные сочинения: «Конспекты по плоской алгебраической геометрии Чарлза Лутвиджа Доджсона» (1860), «Руководство для изучающих математику» (1864), «Приключения Алисы в Стране Чудес» (1865), «Сведения детерминантов» (1866), «Элементарное руководство по теории детерминантов» (1867), «Фантазмагория и другие стихи» (1869), «Сквозь Зеркало и Что там увидела Алиса» (1871), «Охота на Снарка» (1874), «Эвклид и его современные соперники» (1879), «Рифма? — Разум?» (1883), «Логическая игра» (1887), «Математические курьезы» (в двух томах, 1888 и 1893), «Сильвия и Бруно» (1893), «Символическая логика» (1896) и др.

Сказочно-поэтическое творчество К., нашедшее воплощение, в частности, в историях для детей о приключениях Алисы, еще при его жизни подверглось самым различным смысловым расшифровкам, как в духе реконструкций эпизодов из биографии писателя, так и в ключе описания Оксфордских религиозных дискуссий 1840—1870-х. Так, по мнению богослова Ш.Лесли, символика Страны Чудес такова: Алиса — образ первокурсника-неофита, Белый Кролик — рядовой священник англиканской церкви, Герцогиня — представитель епископата, банка апельсинового джема репрезентирует традиционалистский протестантизм, золотой ключик — ключ Священного Писания, двери в зале — английскую Высокую и Низкую церковь и т.п. Мир «Зазеркалья» же, согласно Лесли, может быть подвергнут более детальным и даже персонифицированным интерпретациям: Труляля — Высокая церковь, Единорог — Конвокация духовенства, Траляля — Низкая церковь, Белая Королева — доктор Ньюмен, Белый Рыцарь — Гексли, Морж и Плотник — эссеисты и обозреватели, Черный Король — каноник Кингсли, Лев — Джон Буль, Бармаглот — отвратный символ папства и т.п. Интеллектуализм 20 ст. еще более усложнил спектр мыслимых подходов к декодировке насыщенных литературными реминисценциями и пародиями сказок К.

В них, например, стали усматривать: А.Дикинс — пласт пародийной шахматной морали, содержащий сложную метафизическую философию христианского толка; А.Эттелсон — систему закодированных изречений и слов Ветхого Завета; Р.Брэдбери — идеальную модель холодного мира викторианской эпохи (Страна Чудес Алисы у К. или «то, что мы есть»); противопоставленную человеколюбивому Изумрудному Городу (Страна Оз у Ф.Баума или «то, чем мы хотели бы быть»); и т.д. Выступая как результат эволюции элитарной европейской культуры 19 ст., обретения литературы «нонсенса» в версии К. наглядно демонстрировали гармонию, потенциально

присущую всякой несообразности; эвристический потенциал постижения граней и переходов между рациональным и иррациональным; катартический, очищающий характер бесчисленных логических интерпретаций и смеховых истолкований текстов, выступающих как самодостаточные игровые пространства ментального уровня.

Пространственно-временная организация («хронотоп») сказок К. — сложна и абстрактна: время (текущее как бы во сне) не соотносимо ни с психологическими самоощущениями героев, ни с разверткой их биографий; пространство — многомерно (плоскости сна, зеркального отражения и шахматной игры в «

;Зазеркалье»), сложно организовано и легко трансформируемо любым мыслимым образом. Словоформный строй произведений К. — компендиум языковых проблем: типичного несовпадения звука и смысла в словах; различия предметов, имен предметов и имен имен предметов; соотношения слов как неразложимых атомов и текста как макетного их единства и т.д. (Именно в этом главное отличие историй К. от «классических» волшебных сказок: в сочинениях К. все осуществляется в сфере языка и посредством языка; это — не столько сказание, сколько составной дискурс, обращенный к читателю.) Так, Делез в контексте обоснования шизоанализа и исследования в этой связи так называемого «шизофренического языка»; истолковывал «бессмысленные стихи» К. как типичное «шизофреническое изложение»: «Во всех произведениях К. читатель встретит: 1) выходы из туннеля, предназначенные для того, чтобы обнаружить поверхности и нетелесные события, которые распространяются на этих поверхностях; 2) сущностное родство этих событий языку; 3) постоянную организацию двух поверхностных серий в дуальности «есть/говорить», «потреблять/предлагать» и «обозначать/выражать»; а также — 4) способ, посредством которого эти серии организуются вокруг парадоксального момента, иногда с помощью «полого» слова, иногда эзотерического или составного». Пример «эзотерического слова» у К., по оценке Делеза, — кэрроловский «снарк» (контаминация англ. shark — акула и snake — змея). Согласно Делезу, «шизофренический язык» К., явивший собой текстуальную объективацию представлений Гельдерлина об ипостаси языка как «знака, лишённого смысла», являл собой (наряду с поисками А.Арто, Клоссовски и др.) альтернативу «традиционным структуралистским» моделям поэзии.

По Делезу, К. разработал и основал «серийный метод в литературе»: 1) — Когда обнаруживаются «две версии событий с едва заметными внутренними различиями, которые регулируются странным образом» (например, часы в «Сильвии и Бруно», заставляющие события возвращаться двумя путями: либо посредством умопомешательства, обращающего вспять их последовательный порядок, либо посредством легких вариаций согласно стоическому предопределению). 2) — Когда находятся «две серии событий, где крупные и при этом все нарастающие внутренние различия регулируются предложениями или же, по крайней мере, звуками и звукоподражаниями» (в соответствии с законом зеркала) — ср. у К.: «...то, что

могло быть видимо из старой комнаты, было совсем неинтересным... но все остальное было настолько иным, насколько возможно". 3) — Когда сосуществуют одна серия чистых выражений и одна серия обозначений, характеризующиеся большой несоразмерностью и регулирующиеся эзотерическими словами.

Слова эти образуются: а) либо взаимодействием слоговых элементов одного или нескольких предложений, следующих друг за другом: замена оборота "Ваше королевское Высочество" — словом "вашество"; б) либо как формальная фиксация синтеза существования: ни одно из них (например, "Флисс", плод без вкуса, он же Азигумский Пудинг) не является циркулирующим словом как таковым — они скорее имена, "обозначающие данное слово" или "как слово называется". 4) — Когда серии регулируются "словами-бумажниками", сокращающими несколько слов или сворачивающими несколько смыслов: см. слово "Бармаглот" или у K.Jabberwocky — обозначающее фантастическое животное и при этом могущее трактоваться в англ. как "плод возбужденного и долгого спора". Фантастика К. органично достраивалась также и иными его исследованиями. В трактате "Принципы парламентского представительства" (1884) К. выстраивал аргументацию по принципу игры двух лиц с нулевой суммой, адекватное математическое выражение которой было осуществлено лишь в 1928 Дж.фон Нейманом.

Проблематика логико-математических работ К. (подписывавшихся им как "Доджсон") и сюжеты его сказок (например, про то, как "однажды совпадение гуляло с маленьким происшествием, и они встретили объяснение...") органично взаимодополняли друг друга: по мысли Делеза, "все логические работы Кэрролла непосредственно посвящены значению, импликациям и заключениям, и только косвенно смыслу, — а именно, там, где речь идет о парадоксах, с которыми сигнификация не справляется или которые она же сама и создает.

Напротив, работа фантаста направлена именно на смысл и обрушивает на него всю мощь парадокса. Это как раз соответствует двум состояниям смысла — фактическому и правовому; апостериорному и априорному; одному, в котором смысл косвенно вводится через круг предложения, и другому, в котором он обнаруживается явно, как таковой, посредством разрывания круга и развертки его вдоль границы между предложениями и вещами". Придуманная К. развлекательная математика способствовала выработке качественно нового понимания связи человека и математических закономерностей: как способ проблематизации человеческих событий и как предположение о том, что последние сами по себе суть условия проблемы.

Так, в работе "Динамика частицы" у К. находим: "

;Можно наблюдать, как две линии прокладывают свой монотонный путь по плоской

поверхности. Старшая из двух благодаря долгой практике постигла искусство ложиться точно между экстремальными точками — искусство, которого так мучительно не хватает молодой и импульсивной траектории. Но та, что моложе, с девичьей резвостью все время стремилась отклониться и стать гиперболой или какой-нибудь другой романтической и незамкнутой кривой... До сих пор судьба и лежащая под ними поверхность держали их порознь. Но долго так не могло продолжаться: какая-то линия пересекла их, да так, что сделала сумму двух внутренних углов меньше, чем два прямые угла...". Произведения К., а также многочисленные философские, логические, психоаналитические, лингвистические и пр. комментарии к ним сыграли значимую роль в эволюции главных философских направлений 20 ст. (См. также Язык, Языковые игры, Шизоанализ.)

А.А. Грицанов